

Страницы героической битвы за Москву 75 лет назад выразительно запечатлел фотокорреспондент нашей газеты Сергей Струнников

В истории «Правды» и всей отечественной журналистики оба они остались рядом. Потому что один первым написал о подвиге Зои Космодемьянской, а второй сопровождал этот пронзительный очерк, названный тогда по известной причине «Таня», не менее пронзительным снимком.

И каждый раз, когда вспоминаю замечательного правдиста-очеркиста Петра Лидова, думаю и о столь же замечательном фотокорреспонденте нашей газеты Сергее Струнникове. В сознании моём они нераздельны, как нераздельны их имена на мраморной доске у нас в редакции памяти журналистов «Правды», погибших во время Великой Отечественной войны.

Погибли они тоже вместе. Произошло это в день третьей годовщины начала войны, 22 июня 1944-го, на военном аэродроме близ Полтавы. Погибли при исполнении служебных обязанностей — абсолютно точное выражение. Они приехали сюда, чтобы написать о лётчиках и сделать снимки для «Правды», но попали под внезапный налёт вражеской авиации.

ЭТА ИХ СОВМЕСТНАЯ командировка оказалась последней. А до неё было много других. Сошлись они в общем деле на Западном фронте, в труднейшие дни обороны Москвы. Сотрудничество двух журналистов — пишущего и снимающего — не было редкостью на войне. Однако составы таких пар менялись, и даже не всегда бывало, что один хорошо знает другого. В данном же случае, судя по всему, возникла не только профессиональная, но и душевная близость, которая притягивала их друг к другу, побуждая искать возможности ещё и ещё раз поработать вместе.

Так, перенеся в феврале 1942 года тяжёлый сыпной тиф и оказавшись в подмосковном санатории «Архангельское», Сергей Николаевич Струнников пишет Петру Александровичу Лидову следующее: «14 марта 1942 г. Судьба и обстоятельства перебросили меня в санаторий, где я ремонтирую своё здоровье, чтобы вновь вместе с Вами (это моё желание) создавать ценные вещи нашей эпохи для потомков, для истории, отойти от стандарта и брать самую соль жизни, самое острое, самое необходимое».

Надо же, как чувствовал он необыкновенность этого их журналистского призвания в суровое время Великой войны! Не одни лишь сиюминутные задачи для повседневности, а гораздо больше — для истории, для потомков. И при этом острое

ощущение эпохи, которую они отражают и выражают, стремление, как он написал, «отойти от стандарта и брать самую соль жизни». Нелегко? Ещё бы! Но личность творческая этого требует.

А у Лидова — то же самое. Потому и он при встречах, в письмах, дневниках с искренней теплотой и пониманием обращается к Струнникову, видя в нём уже не просто коллегу, а друга. Хотя главным для него тоже остаётся их совместная работа, которая, впрочем, из текущей, повседневной на глазах становится исторической. Об этом я думал, например, читая такую запись в дневнике Петра Александровича от 16 мая 1942 года:

«...Он (С.Н. Струнников) показал мне сотню снимков, увеличенных и наклеенных на паспарту. Большинство этих снимков было сделано во время наших совместных поездок: по Минскому шоссе — в начале ноября (1941 г.), в Тулу — 13—15 ноября, в Ступино к генералу Белову — 1 декабря, в Венёв с наступающими частями Белова — 10—11 декабря, в Петрищево — 26 января (1942 г.). К некоторым из этих снимков я сделал надписи, после чего отправился в путь».

Вроде бы буднично: сделал эти самые надписи к фотографиям и отправился по очередным делам. Но меня не оставляет уверенность, что уже тогда, то есть совсем немного времени спустя после того, как Струнников те фотографии напечатал, у Лидова было ощущение их исторической значимости.

Да, Минское шоссе под Москвой в ноябре 1941-го, обороняющаяся Тула, наступающие части генерала Белова в декабре — всё это и многое другое к маю 1942-го стало уже кадрами истории великой битвы за советскую столицу. И, конечно, те снимки, которые Струнников сделал для очерка «Таня» 26 января 1942 года в подмосковной деревне Петрищево...

* * *

О Лидове я в «Правде» уже рассказывал. Однако мне давно была интересна и жизнь Струнникова — этого талантливейшего фотожурналиста и фотохудожника. Но сведения, оставшиеся о нём в нашей редакции, к сожалению, крайне скудны. Даже обычного личного дела нет — всего лишь так называемый листок по учёту кадров. Наверное, потому, что пришёл в «Правду» Сергей Николаевич Струнников в крайне трудном августе 1941-го, когда уже вовсю кипела война, а меньше чем через три года он погибнет.

Не только я — все мы должны быть благодарны ветерану Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ) Людмиле Ивановне Смирновой, которая, приложив много сил и старания, буквально по крупицам собирала биографический материал о С.Н. Струнникове. На него я и буду в основном опираться.

Кстати, от Людмилы Ивановны впервые узнал, при каких обстоятельствах и как Струнников стал военным фотокорреспондентом «Правды». До этого он был уже известным мастером фотографии, работал в разных местах и печатался во множестве изданий, включая «Правду». В 1940 году в Центральном Доме журналиста состоялась его персональная выставка «Фото С. Струнникова. 1930—1940», получившая высокую оценку профессионалов. А вот начало войны застало его в дальней геологической экспедиции. Выйдя с изыскателями из тайги в маленькую сибирскую деревушку, Сергей Николаевич узнал, что фашистская Германия напала на Советский Союз и уже несколько недель на западе страны идут ожесточённые бои.

Только через месяц он смог добраться до Москвы. Дома его ждали повестка из военкомата и письмо из редакции газеты «Правда». Утром следующего дня по редакционному приглашению он пришёл сюда и был утверждён фотокорреспондентом главной газеты страны. Согласно листку по учёту кадров, произошло это 22 августа 1941 года. А 17 октября он уже официально военный фотокорреспондент.

Приглашение в «Правду» с началом войны говорит о том, что Струнников был замечен здесь раньше, а теперь, в особых обстоятельствах, интерес к молодому одарённому фотомастеру ещё более возрос. Наверное, сказалось и то, что, будучи призванным в 1932 году в Красную Армию, он сдал экзамены на звание командира запаса. И тогда же, находясь на военной службе, Сергей Струнников в течение года работал в красноармейской газете «На боевом посту». На фотоконкурсе, организованном в воинских частях, он даже получил первую премию. «Значит, военная тема уже ему знакома», — рассуждали, видимо, кадровики «Правды».

Не ошиблись в своём выборе!

* * *

Жизнь ему выпала короткая — неполных 37 лет, и делится она чётко на две части: до войны и во время неё.

Родился в 1907-м, в Херсоне. Отец его, Николай Иванович Струнников, был выходцем из бедной провинциальной семьи. Ощувив в себе художественный дар и рано начав

рисовать, возможности для учёбы не получил. Образование его ограничилось трёхлетним обучением в приходской школе, а затем был отдан «мальчиком» на мануфактурный склад. Так и сгинул бы его талант, если бы не природное упорство, которое привело подростка в Москву, где он сумел устроиться в мастерскую живописца С.И. Грибкова. Правда, опять-таки «мальчиком»-подмастерьем на побегушках.

О жизни пробивавшегося к любимому делу парня рассказал в своей знаменитой книге «Москва и москвичи» Владимир Алексеевич Гиляровский, известный журналист и необыкновенно добрый человек, очень поддерживавший начинающего художника:

«Н.И. Струнников, сын крестьянина, пришёл в город без копейки в кармане и добился своего нелегко. После С.И. Грибкова он поступил в Училище живописи и начал работать по реставрации картин у известного московского парфюмера Брокара, владельца Большой художественной галереи.

За работу Н.И. Струнникову Брокер денег не давал, а только платил за него пятьдесят рублей в Училище и содержал «на всём готовом». А содержал так: отвёл художнику в сторожке койку пополам с рабочим, — так двое на одной кровати и спали, и кормил вместе со своей прислугой на кухне».

И всё-таки при помощи Гиляровского, а также Павла Михайловича Третьякова удалось Николаю Струнникову окончить Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а затем и Академию художеств в Петербурге по классу И.Е. Репина.

Об отце выдающегося фотомастера нельзя не сказать, потому что от него унаследовал Сергей и художественный талант, и страстную любовь к искусству. Правда, из всех его видов для себя выбрал не живопись, а более современные — кино и фото. Окончив в 1926 году среднюю школу, он успешно сдаёт вступительные экзамены и поступает на операторское отделение Государственного техникума кинематографии.

Его товарищи вспоминали, с каким необычайным увлечением учился он здесь все четыре года. Одновременно работает осветителем на фабрике «Межрабпомфильм», а в 1928 году на страницах московских газет появляются первые снимки Сергея Струнникова.

Кино и фотожурналистика отныне идут в его жизни параллельно. Он занимается одним и другим, видимо, ещё не зная, чему отдать предпочтение. Например, уехав во время каникул в геологическую экспедицию в должности кинофотоработника, он снял свой первый короткометражный фильм «Разведка горючего» и тут же сделал целый

ряд фотографий для журналов «Пламя», «Советский экран», «Рост».

После окончания кинотехникума в 1930 году Сергею посчастливилось поработать с одним из крупнейших советских кинорежиссёров Всеволодом Илларионовичем Пудовкиным, будущим автором «Минина и Пожарского», «Адмирала Нахимова» и других прославленных фильмов. Тогда он снимал картину под названием «Очень хорошо живётся», и Струнников стал помощником оператора в его съёмочной группе, параллельно снимая рабочие моменты фильмопроизводства.

Ему было всего 23 года, и роль при Пудовкине, казалось бы, не самая видная, однако мэтр сумел рассмотреть и оценить данные молодого оператора. «Из товарища Струнникова, — написал он, — должен выйти хороший работник кино».

Так, безусловно, и могло быть, но фоторепортаж захватывал его всё сильнее и сильнее. Способствовали этому величайшие созидательные дела, которые разворачивались в стране, и растущий спрос газет, журналов на отражение их в фотографиях. Чувство первопроходца, свидетеля и летописца огромных достижений было главным у него в эти годы. Оно поднимало дух и рождало творческое вдохновение.

Повезло ему, что он стал участником знаменитого арктического рейса ледокола «Красин», где исполнял обязанности секретаря экспедиции Главсевморпути и специального фотокорреспондента газеты «Водный транспорт». Впервые в истории освоения Арктики в 1933 году был отправлен из Архангельска по Северному морскому пути караван судов для доставки грузов в устье реки Лены. «Красин» прокладывал путь этим судам, и после того, как необходимое для жителей северной Якутии было сгружено на месте, ледокол вернулся в Архангельск, а суда на обратном пути зазимовали.

Изумительная это была творческая зарядка для молодого фотожурналиста! Он снимал завораживающие просторы Арктики и экзотическую красоту ледовых ландшафтов, но с наибольшей любовью — людей, которые во имя Родины преодолевали невероятные трудности.

Это будет характерно для всей дальнейшей его работы: искренняя любовь и неостывающий интерес к тем, кто способен на великие свершения ради общего блага. Как и другие его коллеги, Струнников рвался на передний край социалистического строительства, но всматривался больше всего не в индустриальную панораму, а в лица её творцов.

Не случайно и на персональной его фотовыставке 1940 года значительное место заняли портреты: Чкалов перед полётом в США, пианисты Флиер и Гилельс, лётчик-испытатель Коккинаки, писатель Новиков-Прибой... Впрочем, диапазон жанров и тем был чрезвычайно широкий. Объединяло же все работы одно: очень высокая творческая планка. Фоторепортёр и фотохудожник органически слились в нём.

* * *

Война... Всё лучшее, что было в этом человеке от природы и что дало ему воспитание, по максимуму раскрыли военные годы.

Недавно, летом 2014 года, журналисты газеты «Щит и меч» Сергей Лагодский и Юрий Ржевцев, работая над сборником к 70-летию Великой Победы, обнаружили в военном архиве наградные листы Сергея Николаевича Струнникова, датированные 1 июня 1942 года. В них он представлялся к награждению медалью «За боевые заслуги». И вот что отмечалось в кратком изложении личного боевого подвига:

«Будучи военным корреспондентом газеты «Правда», принимал участие и производил фотосъёмки похода в тыл врага (декабрь 1941 г., Можайское направление). В процессе похода производил фотосъёмки, часть которых под названием «Партизаны-истребители в тылу врага» были опубликованы в газете «Правда». Указанные съёмки зачастую производились под огнём немецких автоматчиков. В дни боёв под Москвой фотоснимки Струнникова с передовых позиций неоднократно печатались в газете «Правда». Летая на пикирующем бомбардировщике, под ураганным огнём вражеских зениток, заснял момент бомбёжки войск противника. На выставке в ЦДКА представлены 57 лучших фотоснимков Струнникова. Особенно были отмечены снимки: «Москва, 14 декабря», «Таня», «Полёт на бомбёжку». Выдающийся фоторепортёр своими высокохудожественными снимками военных эпизодов внёс ценный вклад в историю Отечественной войны».

Подписали этот документ командир полка майор Сазонов, комиссар полка батальонный комиссар Кузнецов и начальник штаба майор Казначеев. Я обратил внимание: военные люди, не профессионалы фотографического дела, они отметили, что фоторепортёр — выдающийся, а сделанные им снимки — высокохудожественные.

От себя скажу, что в «Правде» во время войны работали действительно выдающиеся советские фотожурналисты — Михаил Калашников (тоже погиб), Александр Устинов, Виктор Тёмин, Сергей Коршунов и другие. Всем им, кроме высоких профессиональных качеств, требовалось проявлять и смелость, мужество, отвагу: нередко они рисковали

жизнью, проникая на самые опасные участки фронта.

Струнников рвался туда, где опаснее всего. Потому и летал на бомбёжку, и отправился в тот самый рейд по тылам врага в декабре 1941-го. Вместе с ним там был ещё один журналист «Правды» — Иван Фёдорович Кирюшкин (боец Чапаевской дивизии в годы Гражданской войны). Он свидетельствовал, что многие снимки Струнников делал непосредственно в бою, и были случаи, когда его приходилось вытаскивать из-под огня. Причём съёмка поглощала журналиста настолько, что он не замечал свиста пуль вокруг себя. Однажды, когда он выбежал на опушку леса, немцы открыли огонь, а Сергей, встав на колени, продолжал щёлкать затвором «лейки». К счастью, обошлось: пуля только оцарапала ему висок.

* * *

Он ценил художественную выразительность снимка и всегда стремился к предельной выразительности. Однако не поступаясь достоверностью. «Фотография — это документ, — говорил Сергей Николаевич. — И если я заставлю людей позировать мне, играть ради снимка, то займусь не чем иным, как подделкой документов».

Снимая в осаждённой Москве — на сооружении баррикад в городе и противотанковых рвов на окраинах, в подразделениях войск противовоздушной обороны и частях народного ополчения, на призывных пунктах и у метростроевцев, он старался делать своё дело незаметно, не отвлекая людей от напряжённой работы. Из-за этого бывали даже неприятности: фотографа принимали за шпиона и приводили в милицию. Зато фотографии получались правдивые и убедительные — такие, не поверить которым было невозможно.

Итог колоссальной его работы во время Московской битвы подвели участие в выставке «Москва военная», которая состоялась весной 1942 года, и издание альбома «Москва. Ноябрь 1941», куда были включены лучшие его фотографии, сделанные в дни обороны столицы. Но он, едва перенеся тяжёлую болезнь, опять стремится в пекло, на фронт, на передовую. Никто и ничто не может его удержать! Вот он уже на Брянском фронте, вот снимает на берегах Дона, под Воронежем. Настойчиво добивается командировки в блокадный Ленинград.

И в конце 1942 года всё же добился: редакция поручила ему вместе с поэтом Н.С. Тихоновым подготовить журнал-альбом «Ленинград в борьбе». За три недели командировки Сергей Струнников создал такую мощную по силе воздействия серию снимков, что они стали своего рода памятником городу негибаемой стойкости,

впечатляющим свидетельством «будничного» героизма ленинградцев, которые перенесли невозможное, но не сдались.

Он и сам решил тогда работать под девизом: «То, что считается трудным, нельзя назвать невозможным». Он и сам преодолевал всё, ни перед чем не сдаваясь и не опуская руки. Хорошо потом написал об этом Николай Тихонов:

«Снимать Ленинград в декабре — это своего рода подвиг. У нас такие короткие дни в это время года, что мы плаваем как рыбы в сумрачной воде. Туманы и ранняя темнота — это такие враги, которые не хуже немецкого обстрела для фотографа.

Кроме того, если фотограф ограничен временем своего пребывания в городе, то он многое не увидит, так как, добравшись без транспорта, на своих ногах до далёкого объекта съёмки, он может только убедиться, что может только идти обратно — снимать уже темно. А дней у него считанное количество.

Пробираться по городу из конца в конец затруднительно. Трамваи капризны, как невские русалки, и так же редки, как последние. Фотограф, лишённый отдыха и сна, в отчаянии. Как быть со съёмками? И вот постепенно он составляет точный план и пускается, несмотря на все препоны природы и казусы пространства, смело выполнять его.

И он снимает с упорством одержимого. Правда, тут город сам начинает идти навстречу. Таких драматических и человеческих контрастов мало где отыщется, как в Ленинграде. 500 дней в бою находится Ленинград, и он не прекращает той огромной работы и жизни, что свойственна такому гиганту-городу. Всё это заснял Сергей Николаевич Струнников, и вы по его снимкам увидите Ленинград в декабре таким, каким он действительно был. Это победа мастера!»

Обстоятельства, видимо, сложились так, что в 1943 году альбом издан не был, а в «Правде» и других изданиях появилась тогда лишь часть снимков. Поэтому следует ещё раз выразить благодарность архивистам Москвы и особенно Людмиле Ивановне Смирновой, которые, обнаружив подготовленный автором материал, издали его в 2005 году под названием «Репортаж из блокадного Ленинграда. Фотографии фронтового корреспондента Сергея Струнникова».

Замечательным дополнением к пронзительным снимкам стали записи из дневников фотожурналиста, сделанные им во время командировки в блокадный Ленинград и опубликованные впервые в нашей редакционной газете «Правдист» в начале 1943 года.

* * *

Что было с ним дальше? Опять война. Поразительно, как успел он за отведённое ему время побывать в стольких местах и в труднейших условиях столько сделать! Западный, Брянский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Первый Прибалтийский фронты, Сталинград, Тула, Калинин, Смоленск, Харьков, Одесса, Крым, Севастополь... Да полностью всю географию его полётов и поездок я не берусь воспроизвести. А о том, как это бывало, пусть скажет страничка из его крымского дневника, относящаяся к весне 1944 года:

«В двух километрах от противника. Целый день над нами летают «мессеры». Работают артиллерия, миномёты. Снимаю всё, что может отразить войну в Крыму. Бойцы, роющие окопы, говорят, чтобы я немедленно пригнулся, иначе подобьёт вражеский снайпер. Пригибаюсь, иду дальше, ползу, приподымаюсь, в вечерней дымке вижу море, бухту Севастополя. Идёт пулемётная стрельба...

Вечером наша тройка (Л.С. Соболев, И.И. Золин и я) заходим к дежурному. Неожиданно он нам сообщает, что Калашников убит... Не могу себе представить: ведь только вчера утром мы все брели вместе и ночевали в одной комнате. Только вчера утром я снимал его. Оказалось, это было в последний раз...

...Никто не гарантирует, будем мы завтра живы или нет. Мы находимся в самом огне борьбы за Севастополь. Под этим городом почти уже накануне самой победы погиб наш верный товарищ большевик Миша Калашников, самый отзывчивый из среды репортёров, которых я знаю. Он честно отдавал все свои силы газете».

Так написал Сергей Николаевич о своём товарище по «Правде». Но ведь так же можно сказать и о нём самом. Коллеги из газеты «Щит и меч», нашедшие много лет спустя в архиве его наградные листы и проделавшие после этого свою исследовательскую работу, пришли к выводу: «Это был скромный, талантливый, увлечённый человек, фантастически преданный своей профессии и отличавшийся феноменальной работоспособностью».

Согласен с ними. Даже семьи своей Сергей Струнников не создал, поскольку любимое дело захватило его целиком — всю душу и всю жизнь. Но было это дело не для себя, а для людей. Помните, как он однажды выразился в письме своему другу Петру Лидову? «Для потомков, для истории...»

Именно такой работой оказалась и его «Таня». Тот снимок, сделанный в январе 1942

года в Петрищеве, Сергей Николаевич назвал так же, как Лидов свой очерк. Да, вместе они — очерк и фото — вошли в историю и останутся в ней навсегда.

«На фотографии погибшая девушка выглядит так, как будто смерть не тронула её красивого лица, словно только сейчас произнесла она последние смелые и гневные слова, — пишет Людмила Ивановна Смирнова в своей статье о С.Н. Струнникове. — Образ этой юной героической девушки стал национальным символом сопротивления врагу».

Конечно! И препарировать в данном случае работу фотографа с точки зрения техники, то есть как она сделана, представляется невозможным и недопустимым, даже кощунственным. Немыслимой силы взлёт духа произошёл у человека, который увидел свою соотечественницу, совершившую подвиг, замученную и убитую, но величественную и красивую. Чтобы так увидеть и так это передать, сам автор снимка должен был подняться на её духовную высоту и проникнуться её благородными чувствами.

Снова и снова всматриваясь в давно потрясшую меня фотографию, мысленно я говорю: фото скорби и любви. Такой любви и такой скорби, на какие способен не каждый, но они необходимы людям, чтобы оставаться людьми.

В своём блокноте Пётр Александрович Лидов незадолго до гибели записал: «Есть много портретов Зои Космодемьянской. Одни художники добились портретного сходства с оригиналом, другие за сходством не гнались, старались постичь и выразить внутреннюю сущность этого человека, его порыв, его идею. И те и другие портреты хороши, пока на них смотришь. Но когда я закрываю глаза, то представляю себе Зою, какой я видел её в первый и последний раз, — на снегу у разрытой могилы».

Благодаря Сергею Струнникову, соратнику Петра Лидова по «Правде», мы тоже можем видеть Зою, как в тот день. Увидят её и люди будущего.

«Правда»

№118 (30469) 21—24 октября 2016 года